

ЧАША СО ЗМЕЙКОЙ

I

Дождливым утром, стол, ты не похож
на сельского вдовца-говоруна.
Что несколько предвидел макинтош,
хотя не допускала борона,
в том, собственно, узревшая родство,
что в ящик было вделано кольцо.
Но лето миновало. Торжество
клеенки над железом налицо.

II

Я в зеркало смотрюсь и нахожу
седые волосы (не перечесьть)
и пятнышки, которые ужу,
наверное, составили бы честь
и место к холодам (как экспонат)
в каком-нибудь виварии: на вид
хоть он витиеват и страшноват,
не так уж плодovit и ядовит.

III

Асклепий, петухами мертвеца
из гроба поднимавший! незнаком
с предметом — полагаюсь на отца,
служившего Адмету пастухом.
Пусть этот кукарекающий маг,
пунцовой эспаньолкою горя,
меня не отрывает от бумаг
(хоть, кажется, я князь календаря).

IV

Пусть старый, побежденный материал
с кряхтением вгоняет в борозду
озимые. А тот, кто не соврал, —
потискает на вешалке узду.

Тут, в мире, где меняются столы,
слиянием с хозяином грозя,
покаяться нерушимостью скалы
на почве сейсмологии нельзя.

V

На сей раз обоняние и боль,
и зрение, пожалуй, не у дел.
Не видел, как цветет желтофиоль,
да, собственно, и роз не разглядел.
Дождливые и ветреные дни
таращатся с Олимпа на четверг.
Но сердце, как инструктор в Шамони,
усиленно карабкается вверх.

VI

Моряк, заночевавший на мели,
верней, цыган, который на корню
украив у расстояния нули,
на чувств своих нанижет пятерню,
я, в сущности, желавший защитить
зрачком недостающее звено, —
лишь человек, которому шутить
по-своему нельзя, запрещено.

VII

Я, в сущности... Любители острот
в компании с искателями правд
пусть выглянут из времени вперед:
увидев, как бывалый астронавт
топорщит в замешательстве усы
при запуске космических ракет,
таращась на песочные часы,
как тикающий в ужасе брегет.

VIII

Тут в мире, где меняются столы,
слиянием с хозяином грозя,
где клясться нерушимостью скалы
на почве сейсмологии нельзя,

надев биноклярные очки,
наточим перочинные ножи,
чтоб мир не захватили новички,
коверкая сердца и падежи.

IX

Дождливым утром проседь на висках,
моряк, заночевавший на мели,
холодное стояние в носках
и Альпы, потонувшие в пыли.
И Альпы... и движение к теплу
такое же немного погода,
как пальцы барабанят по стеклу
навстречу тарахтению дождя.

октябрь 1964